

на глаголический алфавит. Во всяком случае Мареш не привел в подтверждение этого положения бесспорных доводов. Заключение о глаголическом протооригинале «азбуки» делается на той основе, что в ней предполагаются три стиха на букву «И». Но, во-первых, реконструкция, предложенная Марешем, в данном случае весьма сомнительна; во-вторых, сам факт существования в азбуке Константина-Кирилла трех совершенно самостоятельных буквенных обозначений для звука «И» не доказан.

«Пролог о Христе», отличающийся высокими поэтическими достоинствами, проникнутый глубоким религиозным чувством, получил признание в южнославянской и особенно в русской письменности и обеспечил себе почти девятивековую активную жизнь. За несколько столетий он распространился по всей территории древнерусского государства.

Высказывалось убеждение, что акrostих епископа Константина использовался в практических целях, в качестве учебного пособия для заучивания букв и их порядка при обучении грамоте.¹¹ Однако это утверждение беспочвенно. Не говоря уже о том, что «Азбучная молитва» «не оставила никаких следов в известных в настоящее время памятниках русской учебной книги»¹² и встречается лишь в сборниках церковно-религиозного содержания, по своему характеру она не могла удовлетворять нуждам «грамотного учения», ибо с момента своего появления не содержала полного перечня букв славянского алфавита. Предпринимавшиеся впоследствии робкие попытки пополнить этот перечень не дали заметного результата. Возникнув как поэтический пролог к «Учительному евангелию», как изощренная литературная форма, стихотворение и воспринималось славянскими книжниками в качестве таковых. Тем не менее мы, очевидно, вправе указать на генетическую связь многочисленных славяно-русских «азбук-границ» с сочинением преславского епископа. Будучи одним из первых (если не первым) азбучных акrostихов, оно помогло в становлении и оформлении этого вида учебной литературы, сыгравшего далеко не последнюю роль в приобщении наших предков к «почитанию книжному».

Из сохранившихся «толковых азбук» бесспорное и непосредственное воздействие «Пролога о Христе» обнаруживает лишь так называемый «Ярославский азбуковник» (или «Азбука покаяльная»), сохранившийся в значительном количестве русских списков, из которых наиболее ранний датируется второй половиной XIII в.¹³ Этот факт хорошо известен специалистам,¹⁴ поэтому нет необходимости на нем подробно останавливаться.

¹¹ См.: Е. Георгиев. 1) Началото на славянската писменост в България. София, 1942, стр. 80; 2) Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури, стр. 153; Е. Н. Медынский. История педагогики. М., 1947, стр. 303; и др.

¹² В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря... стр. 247.

¹³ См.: А. И. Соболевский. 1) Черковнославянските стихотворения от IX—X век и тяхното значение за черковнославянския език. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XVI—XVII, София, 1900, стр. 314—324; 2) Материалы и исследования... стр. 3—4, 13—17. Помимо списков, указанных А. И. Соболевским и В. И. Лукьяненко (К истории русского букваря... стр. 248—249), назову лишь списки из собрания Уварова (ГИМ), №№ 25 (лл. 16 об.—19 об.), 503 (лл. 33—34 об.), 778 (лл. 275 об.—277), 848 (лл. 417—419). Все они относятся к XVII в. См.: Леонид, арх. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, №№ 2093, 2087, 1892, 1894. Восстановленный текст Азбуковника см. также: Р. Якобсон. Заметка о древнеболгарском стихосложении. — ИОРЯС, т. XXIV, 2, Пгр., 1923, стр. 354—356.

¹⁴ См., например: Н. Н. Дурново. 1) Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, I, Praha, 1929, стр. 78 и сл.; 2) Мюнхенский абecedарий. — Известия АН СССР, 1930, № 3, стр. 215 и сл.; Е. Георгиев. 1) Началото на славянската писменост в България, стр. 76; 2) Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури, стр. 149, прим. 3.